

ОГОНЁК

№ 28 (1413)

11 ИЮЛЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НЕИСЧЕРПАЕМЫЕ БОГАТСТВА

Станиславский о Чехове

Не было ни одной пьесы Чехова на сцене Художественного театра, в которой не выступал бы в качестве актера Константин Сергеевич Станиславский. В «Чайке» он играл Тригорина. В «Дяде Ване», «Трех сестрах», «Вишневом саду», «Иванове» он создал незабываемые образы Астрова, Вершинина, Гаева, Шабельского. Вместе с Вл. И. Немировичем-Данченко он осуществил, кроме «Иванова», все чеховские постановки, найдя новый подход к особенностям его драматургии, ее поэтическому и духовному строю.

«Мне пришлось играть в пьесах Чехова одну и ту же роль, — рассказывает К. С. Станиславский, — по несколько сот раз, но я не помню спектакля, во время которого не вскрылись бы в моей душе новые ощущения, а в самом произведении — новые глубины или тонкости, которые не были мною раньше замечены».

Эту особенность Чехова, поясняет Станиславский, предопределяет то, что, «несмотря на обыденщину, которую он будто бы всегда изображает, он говорит всегда, в своем основном, духовном лейтмотиве, не о случайном, не о частном, а о Человеческом с большой буквы».

Чехов был весной Художественного театра. Станиславский посвящает Чехову в своей знаменитой книге «Моя жизнь в искусстве» страницы, проникнутые особенным, сердечным волнением. В главе «Вишневый сад», заканчивающейся скорбным рассказом о кончине Чехова («Смерть его была красива, спокойна и торжественна...»), Станиславский говорит: «Вместо некролога выскажу несколько своих мыслей о нем».

Что главное в характеристике, которую дал Чехову Станиславский? Это — глубокое убеждение в том, что Чехов никогда не был «поэтом будней, серых людей», а, наоборот, жил «светлыми мечтами, верой в будущее, заботливо накапливая культурные богатства для грядущих поколений».

«...он один из первых, — говорит Константин Сергеевич, — почувствовал неизбежность революции, когда она была лишь в зародыше и общество продолжало купаться в излишествах».

В ближайшее время начнет выходить в свет собрание сочинений К. С. Станиславского. В первом томе, где будет помещена «Моя жизнь в искусстве», читатели найдут ряд доселе не изданных высказываний Станиславского о Чехове.

Вот некоторые из этих строк:

«Все пьесы Чехова пропитаны...стремлением к лучшей жизни и кончаются искренней верой в грядущее будущее. Удивляешься тому, что такая вера живет в душе смертельно больного, прожившего тяжелую жизнь гениального поэта.

Почему же брюнеты-пессимисты устремляют свое внимание только на мрачные стороны его души и творчества и так слабо отмечают светлые? Или они смешивают самого драматурга с ролями, им созданными? Но для того, чтобы написать «Иванова», не

надо самому быть им. Точно так же, как для того, чтобы создать Городничего, Судью, Землянику в «Ревизоре», нет необходимости, чтобы Гоголь стал взяточником. Я думаю, совершенно наоборот: Чехов и Гоголь потому так ярко написали Иванова, Городничего и

других, что они сами не были такими.

Или, может быть, Чехову следовало бы приклеить веселенькие концы к своим пьесам в духе тех, к которым приучил нас кинематограф: неожиданную или давно ожидаемую свадьбу, или общее примирение, или полное семейное благополучие, или другое бодрое окончание, рассчитанное на бесконечные вызовы? Тогда, может быть, он избежал бы созданной ему брюнетами-пессимистами репутации.

Достойно удивления, что в наше время живет еще прозаическое, упрощенное и прямолинейное отношение и подход к искусству, синтезирующему сложнейшую жизнь духа современных людей».

Развивая эту свою основную мысль, Станиславский утверждает:

«О Чехове надо судить не по отрицательным сторонам описываемой им жизни, которую он критикует, выставляет на общее суждение, а по его мечтам, которые он любовно объясняет нам устами своих героев».

Как темная краска нужна для усиления светлой, так точно темные стороны действительности и быта изображаемой Чеховым жизни нужны ему для выделения светлых надежд и чаяний.

Сам Чехов отражается не в черных, а в белых красках своих картин, т. е. не в действительности и быте, а в мечте. ...Весь секрет подхода к душе его произведений именно в таком понимании творчества Чехова. Пусть для зрителей его пьесы — печальная страница прошлого, но для нас, артистов, передающих их на сцене, это страница будущего, олицетворение вечного стремления к лучшей жизни. Других путей нет для постигновения тайников души Чехова. Ощущение правды реальной жизни в настоящем и искренняя вера в идеальную мечту в будущем — вот ключи к потайным дверям творческого сверхсознания в его произведениях».

Называя в своих воспоминаниях Чехова «человеком, который задолго предчувствовал многое из того, что теперь совершилось», Станиславский утверждает, что, доживши до наших дней, Чехов «понял бы революцию и новую жизнь, ею создаваемую», ибо весь облик художника был проникнут вечным стремлением к лучшей жизни человечества.

Станиславский заключает свои мысли о Чехове следующими восторженными словами:

«Без Чехова — нельзя, как нельзя без Пушкина, Гоголя, Грибоедова, Щепкина. Это — основные столпы, на которые всей тяжестью опирается здание нашего храма искусства».

Н. ВОЛКОВ